

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкава

Семья
мадам Тюссо

Р О М А Н

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Семья мадам Тюссо : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-092933-7

Елена Максимовна Тюрина всю жизнь посвятила детям, пытаясь вырастить их достойными во всех отношениях людьми. Она надеялась, что сын и дочь будут ей благодарны. К тому же повод проявить свою благодарность не заставил себя ждать: в одночасье Елена Максимовна оказалась прикована к постели. Однако повзрослевшие дети не спешили бросить все и посвятить себя уходу за матерью. Черная, дикая неблагодарность! А может, эта неблагодарность имела под собой какую-то подоплеку? Может быть, заботливая мать сотворила ее своими руками? Трудно в это поверить! И тем не менее нашелся человек, который смог объяснить Елене Максимовне ее ошибку, — некто из прошлого, кого она когда-то с легкой совестью отправила на заклятие во благо любимому сыну.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092933-7

Мавр сделал свое дело,
мавр может уходить.

Ф. Шиллер

Елене Максимовне снилась боль. Снилась физически, осязаемо. Сначала касалась живыми горячими пальцами, потом закручивалась плетью, не давая вздохнуть. Интересно, как эта боль, эта мука мученическая в объятия Морфея пробралась? И сильный анальгетик не помог, принятый с вечера. А раньше спасал, прогонял на ночь эту заразу. И зачем в таком случае нужен сон, если в нем боль присутствует?

А может, это и не сон вовсе? Это желание сна, самообман, потекающий потребности организма. Он думает, что спит, а на самом деле над ним боль властвует. Надо будет расспросить врачиху Валечку на этот счет, пусть посоветует приличное снотворное.

Елена Максимовна вздохнула, открыла глаза. По серому цвету окна поняла — утро уже. Неприятное утро, морось и хмарь октября. Самая сердцевина промозглого межсезонья. Еще

ВЕРА КОЛОЧКОВА

бы в такую погоду боль в суставах не мучила! Разошлась, облизывает их горячим шершавым языком... Снова таблетку принять, что ли? Может, удастся подремать, хотя бы полчаса. Хороший ведь анальгетик, раньше никогда не подводил.

Пальцы нащупали на прикроватной тумбочке початый блистер, сухим щелчком ковырнулась из ячейки спасительница-таблетка. Вода в стакане была теплой, невкусной и будто нехотя протащила таблетку по гортани, плюхнула ее в желудок. Теперь надо ждать, когда подействует. Когда боль уйдет. Закрыть глаза и ждать.

Боль не ушла. И не подумала даже. Наоборот, прибавила обороты, и в какой-то момент несчастная ее жертва застонала, в мучении опершись локтями о твердый ортопедический матрац и неловко съехав головой с подушки.

А потом вдруг отпустило. Но странно как-то отпустило, будто на месте коленных суставов образовалась пустота. Будто вылизала их проклятая боль окончательно и на этом успокоилась. И так это было неприятно, что спать совсем расхотелось.

Да и утро уже было позднее — за окном нарастал шум проснувшегося города. Надо было вставать, надо было начинать жить очередной

Семья мадам Тюссо

день своей старости. И не столько надо, сколько необходимо — в первую очередь хотелось бы до туалета дойти, конечно. Целое путешествие на таких ногах... Пытка, но надо.

Как быстро, однако, проклятое недомогание стало руководить ее жизнью! Сначала боль казалась малой помехой, напоминанием о солидном возрасте, и отношение к ней было вполне себе легкомысленное — надо сбросить пяток лишних килограммов, и вместе с ними уйдут неприятные ощущения. Потом, позже, боль стала источником испуганного недоумения, а потом и вовсе большого страха. Когда видела на бульваре неуклюже ковыляющих старух с палочками, вздрагивала и отворачивалась испуганно — чур меня, чур... Со мной такого никогда не случится! Еще чего!

Наверное, даже в мыслях нельзя произносить это коварное слово «никогда». Не успеешь подумать, как оно вскорости прилетит бумерангом — смирись-ка, матушка, и морду не отворачивай, потому как неча, неча воображать в свои заплечные-то годки, в семьдесят с большими копеечками...

Но было дело, пробовала и с палочкой. Не получилось. Гордыня не позволила. Просто перестала на улицу выходить, и все. Да и что она

ВЕРА КОЛОЧКОВА

не видела на той улице? Магазины? Но если надо продукты в дом принести — Коля всегда принесет... Муж все-таки. Обязан и должен. Хоть какая-то польза от старого алкоголика.

Все, все... Не надо про Колю думать, не надо разгонять свою злость. День длинный, еще сорок раз успеется. Надо собирать волю в кулак и вставать с постели, удовлетворять потребности организма. Тем более до туалета и ванной комнаты недалеко — пять шагов до двери, потом десять шагов по коридору. Ну, с богом...

Ухватила рукой за спинку кровати, с трудом поднялась на ноги, заранее приготовившись к наплыву боли. Но так и не поняла, что произошло в следующую секунду — тело будто ухнуло в пустоту, повернулось неловко и грузно увалилось обратно на кровать. Боли не было. Только пустота...

Елена Максимовна полежала немного, пытаясь унять испуганное и злое недоумение. Повернулась и снова ухватила за спинку кровати, села. С перепугу решила — надо еще раз попробовать. Не может быть, чтобы вот так... Не может...

А потом вдруг поняла, что не встанет. А если встанет, упадет не на кровать, а на пол, и даже увидела эту картинку внутренним взором — ле-

Семья мадам Тюссо

жит на полу неумытая, нечесаная, жалкая старушонка, сучит лапками. Содрогнувшись, возопила хрипло в открытую дверь спальни:

— Коля! Николай! Иди сюда, слышишь? Ты где?

Квартира отозвалась тишиной. Ни движения, ни звука, ни намек на присутствие мужа.

Где он? Спит, что ли? Наверняка в гостиной на диване валяется. Принял с вечера и выпал из жизни. Алкоголик. Сволочь. Ничтожество человеческое.

— Николай! — прибавила, сколько могла, злой силы в голос Елена Максимовна. — Просыпайся, слышишь? Иди сюда! Я встать не могу!

Последняя фраза прозвучала почти на истерике, с отчаянной слезой в голосе. А еще так, будто сама себе приговор вынесла. И разозлилась на мужа еще больше, когда услышала, как он торопливо шлепает по коридору босыми ногами, приговаривая на ходу:

— Бегу, Ленуся, бегу... Здесь я... Слышу.

Увидев мужа в дверях спальни, Елена Максимовна застонала от раздражения — боже, как она его ненавидела... Ненавидела его сухие кражистые ноги в широких трусах, обвисшее пузо, его черную майку с кровавой задорной надписью «YES!». Ненавидела смиренное тупое вы-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ражение лица, эту вечную готовность услужить, укрывающую с изнанки, она знала, ответную ненависть. И блекло-голубые смиренные глаза, всегда влажные с похмелья, тоже ненавидела. Не обманешь ее смирением, и уж тем более алкогольной голубизной-блеклостью не обманешь. Конечно, их связывает общая ненависть, только она у каждого своя. У нее ненависть-гнев, а у Николая — ненависть-трусость.

Все-таки нельзя в старости жить вдвоем. Все-таки старость — это честный союз с одиночеством. Да еще союз с банковским вкладом, если он есть. Банковский вклад решает все проблемы, а не муж-алкоголик, от которого проку нет. Но за неимением вклада приходится мужем довольствоваться, на безрыбье и рак рыба.

— Ну что ты встал в дверях, как истукан? Помоги.

— Чем помочь, Леночка? Ты скажи, я все сделаю.

— До туалета помоги дойти. Я встать не смогла. И тебя не дозовешься. Не слышал, что ли?

— Нет, не слышал. Спал крепко. Давай помогу. Рукой за шею меня обхвати...

Он склонился над ней с готовностью, и Елена Максимовна содрогнулась от запаха водочного перегара, брезгливо отвернула лицо. Но

Семья мадам Тюссо

желание опростать мочевой пузырь было сильнее ненависти — рука сама собой потянувшись, легла на мужнину шею. Он ухватил ее за спину, крикнув от напряжения, потянул вверх.

Так и тащились до туалета — в жалком объяснении совместной немощи. Николай дышал трудно, с надрывом, она висела на нем, не чувствуя ног. В какой-то момент в суставах остро вспыхнула боль, и она вскрикнула страдальчески, чуть не осев на пол. Но боль утихла, зато руки у мужа, она почувствовала, тряслись в последнем отчаянном напряжении, на исходе сил. Понятно — с похмелья.

Потом так же тащились обратно. У обоих лица от напряжения мокрые. Дышали отрывисто, сипло, почти в унисон. И апогеем — облегченный вздох Николая, когда она без сил отвалилась на подушки. Закрыла глаза, проговорила едва слышно:

— Нет, я больше такой пытки не вынесу. Да и ты в другой раз меня уже не дотащишь. Надо что-то делать, причем срочно. Принеси телефон.

— Что, Леночка? Не понял...

— Телефон, говорю, принеси! Глухомань старая! Пить меньше надо, чтобы лучше слышать!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Так вот он, телефон, у тебя на тумбочке.

— Ах, да. Я сейчас Валечке позвоню, чтобы пришла, ты ей дверь откроешь. Только бы она не убежала на дежурство. Только бы дома оказалась.

Валечка была бесценной соседкой по площадке, работала врачом-терапевтом в районной поликлинике. На Валечку молились все соседи от мала до велика, потому как она была женщиной доброй и никому в помощи не отказывала. Гиппократ Валечкой бы точно гордился, особенно на фоне стремительно уходящей в небытие пафосно клятвенной любви к больному человеку, Гиппократом же и придуманной.

Трубку взял Валечкин муж, скромный милый Аркаша. Выслушав настойчивую просьбу срочно позвать к телефону Валечку, вздохнул и проговорил с жалобной досадой:

— Валя только-только с ночного дежурства пришла, Елена Максимовна...

— Мне она срочно нужна, иначе бы я не звонила! Если говорю — позови, значит, надо позвать! — холодно бросила она в ответ, раздражаясь на его невразумительно выраженную досаду.

Аркаша, по всей видимости, впал в ступор. Елена Максимовна всегда знала за собой этот

Семья мадам Тюссо

момент — многие люди на ее холодные выпады именно так и реагируют. Присутствовал в этом посыле какой-то особенный волевой момент, оттого и реакция была соответствующая. А пока реакция продолжается, можно их тепленькими брать, любой каприз исполнят. Наверное, это не очень хорошо и не очень правильно с точки зрения человеколюбия, но ведь сами напрашиваются! И в данном конкретном случае... Что за двойные у Аркаши стандарты? Хочешь пожалеть жену — откажи наглой соседке, нахами, в конце концов! А если позиционируешь себя как интеллигент в пятом поколении и не можешь допустить большего «хамства», чем невразумительная досада, то и не трепыхайся попыткой к сопротивлению, отдайся с потрохами. И не надо вздыхать в трубку, потому что сам виноват. Нравится быть интеллигентом — терпи!

— Хорошо, Елена Максимовна, сейчас я ее позову.

— Давай. Жду.

Валечка даже не поздоровалась, промямлила в трубку замирающим от усталости голосом:

— Что случилось, Елена Максимовна?

— Ой, Валечка, в двух словах не расскажешь... Беда у меня. Может, зайдешь?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Какая беда? Наверное, лучше «Скорую» вызвать? Я с ночного дежурства.

— Нет, нет... Не надо «Скорую». Ты зайди, я все объясню. Прямо сейчас зайди! Коля тебе откроет.

— Хорошо... Через пять минут буду.

Николай успел натянуть спортивный костюм, стоял в дверях спальни, как солдат на страже, ждал приказа.

— Сейчас она придет... Иди открывай дверь. И расческу мне принеси! И зеркало... Может, успею космы прибрать.

Валечка выслушала ее с дежурным участием на лице, вздохнула и задумалась, будто собираясь с мыслями. Наверняка мысли были не очень хорошие, и Елена Максимовна не выдержала, предложила с осторожностью:

— Может, мне в стационар лечь, а, Валечка? Дашь направление?

— Нет, Елена Максимовна, госпитализация ничего не даст, к сожалению. Суставы — такая коварная штука. И возраст у вас. Мы уже все делали, что можно было сделать, вы же знаете. И таблетки, и уколы, и процедуры в стационаре. Весь потенциал полностью исчерпан. Придется вам привыкать.

Семья мадам Тюссо

— То есть как это — привыкать? Что значит — привыкать? Думай, что говоришь!

— Я знаю, что говорю, Елена Максимовна. Я врач.

— То есть... Ты хочешь сказать, что я вообще встать не смогу? Но я должна встать! Я все равно буду пытаться вставать!

— А вот истязать себя без пользы не надо, Елена Максимовна. Упадете, ноги переломаете или, не дай бог, шейку бедра.

— Но что мне делать? Ведь можно же что-то сделать? Есть же еще какие-то дополнительные методы лечения... Неужели мне не помогут?

— В нашем стационаре — нет.

— А где?

— Поезжайте в швейцарскую клинику, там помогут. Может быть.

— Издеваешься?

— Нет, я не издеваюсь. Это вы задаете неправильные вопросы. Я понимаю ваше отчаяние, но... Надо принимать реалии жизни, другого выхода нет. Зовите детей, пусть решают вопрос. Вам нужен постоянный организованный уход, вы же не одинокая женщина, у вас семья есть.

Валечка покосилась на застывшего в дверях Николая, тихо вздохнула и добавила почти интимно: